

Сергей Таск
Лук Будды

Серия «Самое время!»

В каком-то смысле это книга-загадка, книжка-игра. Автор собрал пазл из восточных стихов и западной прозы... или наоборот. Разгадка названия спрятана в тексте. Фрагменты ассоциативно связаны между собой, а вот как — судить тебе, мой читатель. Не будь слишком доверчив: здесь есть ложные ходы и зеркала-обманки. В конце концов, самое фальшивое в искусстве — это правда жизни.

ЛУК БУДДЫ

*Из бесед шестого патриарха школы Чань с
учениками*

ОБ АНОНИМНОСТИ ИДЕИ

Как мать и дочь всегда ровесницы,
ученику учитель ровня:
иерархическая лестница
сгорела в пламени жаровни.

Тому, чья сущность прорывается
к течениям седьмого слоя,
как откровенье, открывается
иная высь и дно иное.

Идеи, что ушли в предание
и словно в воздухе повисли,
вдруг обретают очертания
упругой и свободной мысли.

Отшелушатся поколения,
и мысли, растворяясь снова,
уйдут, как некогда, в забвение,
в плену пространства неземного.

И тыща триста лет без малого
пройдет, пока беседу эту
в год снегопада небывалого
случится записать поэту.

ЭТЮД О РЕВНОСТИ

...глаза...

Нижняя половина окон была замазана, торчали одни головы. Бледные, с запавшими глазами, женщины вжимались в стекла, высматривая *своего*. Сегодня был день выписки. Визжали тормоза подъезжавших машин, хлопали двери приемного покоя.

Павел уже показался жене, и сейчас, пока она там застегивала на себе сорок три одежки, шагал взад-вперед по внутреннему дворику, размахивая букетом, как палицей. Как быть? Вариант первый: улыбнуться, как ни в чем не бывало, поцеловать, вручить цветы, принять ребенка... или сначала принять ребенка, потом отдать цветы? Черт его знает, как у них принято. Вариант второй: Лиля, я знаю, это не мой ребенок... *немой*, ха! Еще скажи молчальник, весь в тебя! Итак: Лиля, это же не мой... нет, нельзя. Вот так, с бухты-барахты. Рядом будет сестра или нянечка... отпадает. Вариант третий: подчеркнуто любезен, ноль эмоций — встретил, сели в машину, в дороге ни слова, на поздравления соседок вежливый кивок, в комнате дверь на ключ, и — всю правду, с первого дня, — факты, цифры, ее вранье, справка из больницы... и письмоцо, да-да, и письмоцо, ее собственной рукой писанное. Она, понятно, отпираться, будут слезы, истерика, обругает последним подонком — пусть! Главное, всю правду, тихо, но твердо, чтобы дошло: плачь не плачь, жить вместе не будем. Помочь на первых порах — изволь. Все что потребуется: пеленки-подгузники, коляски-манежи... манеж, кстати, куплен и уже собран, и бумажные пеленки достал, тридцать пачек, всей семьей под себя ходить можно, — короче, любые услуги, вот именно *услуги*, никаких телячьих нежностей, никакого «отцовского чувства», а через месяц — рубим концы, уезжаю к родителям в Тушино (с отцом инфаркт, мать в обмороке), и.

— Паша!

Он вздрогнул. Лиля стояла на крыльце, держась за перила. Рядом пыхтела нянечка с чем-то большим, кубообразным, перевязанным голубой лентой.

— Паша, ты что? — кричала Лиля. — Я тебя зову, зову...

На мгновение он смешался — он ведь так и не принял решения. Но раздумывать было поздно, и он побежал навстречу.

— Какие розы! Где ж ты зимой такие достал? — Лиля подставила щеку и по-хозяйски взяла букет у него из рук.

— Поздравляю, папаша, — сказала нянечка, с облегчением передавая ему тяжелый аквариум. — Малыш у вас чудесный!

— Спасибо вам за все, Анна Никитишна, — Лиля ловко сунула ей что-то в карман.

— И-и-и, милая, за что спасибо-то, — запела старушка, в свою очередь проверяя на ощупь размер подношения. — Я ж к вам как родная мать, что ты-ы? Живите только дружно. Вы молодые, красивые, а нам скоро помирать.

Когда они отъезжали, старушка их перекрестила.

— Университетский, — сказал Павел. — Первый дом.

Такси дернулось, из аквариума плеснуло на пол.

— Машина, между прочим, казенная, — сказал водитель безадресно.

Павел отозвался:

— Я заплачу.

Я всю жизнь плачу. «Мы сами создаем себе трудности, чтобы потом их преодолевать», — это про меня. Я обладаю редким даром ошибаться в людях. Моя первая жена, театральный гример, пленила меня своей первобытной тягой к семейному очагу; через месяц она сбежала в Уфу с заезжим гастролером. Квартиру пожелала разменять. Так я оказался в коммуналке на Университетском проспекте, в одной связке с реликтовыми старушками.

Меня всегда тянуло к женщинам из мира искусства — может, потому что сам я технарь. Своей инженерией я вполне доволен — разьезды, новые впечатления, но чего-то не хватает. Вот и на Лилю я сразу клюнул — график, книжный иллюстратор! В ее компании, на Верхней Масловке, я оказался случайно, Владик затащил. Куролесили они там на полную катушку. В час ночи, уничтожив запасы спиртного, взяли курс на Лилину комнатешку у Никитских ворот и гуляли там, пока сосед не вызвал участкового. Я собрался пилить пешком через весь город, но Лилия отняла шапку, так что пришлось остаться. Пока мы препирались, часть гостей, включая Владика, дематериализовалась. Разместились так: мне поставили раскладушку, а некие Света с Игорем разделили ложе с хозяйкой. Утром мы со Светой выпили чаю и ушли, а эти остались. Не знаю, какая муха меня укусила, но я три часа шатался по центру, воображая, как они сейчас там... Черт знает что! Хоть садись в сугроб и вой!

Я тогда дал себе слово — больше я к ней ни ногой. Но вечером Лилия позвонила, была дьявольски мила, и мы договорились встретиться на какой-то выставке. После выставки гуляли, потом зашли к ней погреться. В тот вечер

она была неотразима. Сидела на диване по-турецки, рассказывала о своей безалаберной жизни. «А у тебя, оказывается, зеленые глаза», — удивился я. Она пошевелила ногой, плетеный тапочек спрыгнул на пол. За стеной пробило полночь. «Спать», — скомандовала Лиля. Я лег на раскладушке. На столе оглушительно тикал будильник. Пружины подо мной молили о пощаде. «Ну что с тобой делать», — не выдержала. Это была странная ночь. Я вел себя как язычник, который не смеет дотронуться до своего божка. Прежде чем уснуть, Лиля долго ерзала и несколько раз по-детски вздохнула.

Мы стали видеться часто. Встречались у памятника и шли вниз по бульвару. Замерзнув, заходили погреться в кафе. В апреле у Лили был день рождения; народу наехало — не протолкнуться. Многих я видел не в первый раз и, хотелось верить, в последний. Я уже знал, с кем из них она была близка в разное время. Она удивительно легко рассказывала об этом, я же, мучаясь, сам вытягивал из нее все новые подробности. В тот вечер она была хороша! Длинное, в пол, темно-зеленое с разводами платье и ожерелье из красного стекляруса. Пыль стояла столбом, курился матрок. Шестидесятилетний ходок, которого все звали Эдиком, сел на проигрыватель. В три часа ночи, спев «Лехаим, бояре», с шумом-грохотом выкатились на улицу. Пока Лиля отмокала в ванне, я вынес два десятка бутылок, проветрил комнату, вымыл уцелевшие стаканы и рюмки. Лиля вышла в халатике и все тех же красных бусах. Она подошла ко мне. Расстегнула рубашку и подтолкнула к кровати. Эту ночь я буду помнить долго. Прижимая ее к себе, я сломал замочек, и огромные красные горошины раскатились по постели. Что-то мы потом собрали, но некоторые упали за диван.

Один шарик совсем недавно выпрыгнул из щели, когда я переворачивал матрас.

Через два месяца мы поженились.

Лиля назвала сына Карпом. Павлу это имя не нравилось, и младенцу оно не шло, но он смолчал. Карп так Карп. В конце концов, не его ребенок. Карп родился пухлявый и серебристый с прозеленью. Первые дни, как все груднички, он вел себя беспокойно, метался по аквариуму, не переставая делать ртом глотательные движения, и только когда Лиля подходила к нему, затихал. К Павлу он относился враждебно: стоило тому приблизиться, как он поворачивался к нему хвостом и так стоял в воде неподвижно, пошевеливая плавниками. «Ты что? — пыталась урезонить его Лиля. —

Это же твой папа! Ну-ка, посмотри на папочку, будь умницей... » Но Карп быть умницей отказывался. Что до Павла, то он всячески давал понять жене, что новый член семьи для него не существует.

Так сам собой возник *четвертый* вариант — а был ли мальчик? Не отважившись сказать жене всей правды, Павел избрал тактику моллюска, и даже слезы, обычно действовавшие на него безотказно, не могли выманить его из раковины. Лиля догадывалась о причине перемены, видя, как муж демонстративно обходит журнальный столик с аквариумом, как он морщится всякий раз при слове «папа», но она так устала от его вечной мнительности, от этой игры в молчанку, что решила закрыть на все глаза, то ли считая это очередным Пашиным бзиком, то ли из тактических соображений. Сам Павел склонялся ко второму. Состояние вооруженного перемирия давалось обоим нелегко. Он часами не поднимал головы от чертежей; она вязала перед телевизором. На вопросы «Обедать будешь?» или «В Зоомагазин не съездишь?» он отвечал односложно: да — нет.

В Зоомагазин он ездил исправно. Мало-помалу это даже стало доставлять ему удовольствие. Всегда считавший разведение рыбок разновидностью мещанского идиотизма, теперь он мог час простоять, глядя, как полосатые гуппи с равномерностью маятника ходят стадом от одной стенки к другой или как красноперка таращится на посетителей, словно решая в уме, что это за подвид водоплавающих. Корм он покупал специальный, детский, — одного пакетика, при шестиразовом кормлении, хватало на день. Кормила Карпа мать. В эти минуты Павел выходил курить на кухню, рискуя оказаться вовлеченным в разговор о здоровье Карпуши. Но принцип есть принцип: надо было лишний раз кольнуть изменницу!

В тот день, когда он забрал жену из роддома, ближе к вечеру, заехал тесть. В роскошной французской дубленке и пыжиковой шапке он был, как всегда, неотразим. За тестем, кряхтя от надсады и громко дыбая ногами, в комнату протиснулись двое рабочих с тяжелой коробкой в импортной упаковке. Упаковку сняли, и на свет явился стеклянный куб с диковинными отводными трубками.

— Японский аквариум, — сказал тесть небрежно. — Достал, ребятки, через ихнее посольство. Ну, — целую дочь, — поздравляю. И ты, — суся, ему лицо своими мокрыми губами, — ты тоже ничего, имеешь, так сказать, отношение.

На другой день заскочила теща, последний раз удостоившая молодых этой чести по случаю свадьбы. Аудиенция длилась три минуты. Мадам сделала внуку уютно пальцами в дорогих перстнях, уронила в воду погремушку и, преувеличенно ахнув, выкатилась вон.

Побывали и его родители, но тут обошлось без сантиментов. Отец и мать, Павел знал это, не принимают его вторую жену, — как не приняли первую и не примут всех последующих. Слухи ли дошли до них о фривольной Либиной жизни до замужества или просто не глянулась — поди пойми. Тут, конечно, пришли, но не от великой любви к внуку, а просто чтобы отметить. Разок-другой забежала Либины подруга.

— Какой хорошенький! — ахнула. — А я почему-то решила, что девочка, — и вывалила из сумки массу бесполезных вещей — розовый чепец, цветастые слюнявчики и тяжелый бабушкин гребень, который при всех случаях не понадобился бы еще лет двадцать.

Из ее друзей зашел уже известный нам Владик и с ним Бурштейн — толстый, как на ватине, увалень, но при этом подвижный и пружинистый, словно весь на рессорах. Он постоял перед аквариумом в задумчивости, ловя водяные блики своими круглыми навывкате глазницами с черными зрачками в золотистом ободке и глубокомысленно изрек:

— Ничего малек, то есть малец.

Не иначе как оценив похвалу, Карп радостно вильнул хвостом. Влад рассказал служебные сплетни, и они ушли. Все — уходили. У Павла возникло абсурдное чувство, что уходит чаще, чем приходят. Вот и жена стала пропадать. Говорила, что едет в мастерскую, а когда его звонки не находили ее на месте, отмахивалась — была на этюдах. Отпущенный ей срок по уходу за ребенком истекал, но Лиля работала по договорам, и перспектива выхода на службу ей не грозила. У Павла с режимом было построже. Нет, он, конечно, мог иногда отпроситься у начальства, но что же это получалось? Он позволил ей записать Карпа на свое имя, а теперь еще нянчиться с ним! Но это было дело десятое, а главное...

Страх, что Лиля ему изменяет, был всегда. По возвращении из командировок так и подмывало попытать старушек-соседей, мол, как тут себя вела моя благоверная, да гордость не позволяла. Он расставлял тонкие сети, задавал жене как бы между прочим вопросы на срезку — и все зря. Она не была наивной мушкой, а из него не вышел настоящий тенетник.

Кстати, о пауках. Однажды он вычитал в словаре, что паука на севере зовут павлом. Это почему-то ему страшно понравилось, и в тот же день он преподнес Лиле стишок: «Как пескарь, что попал на крючок, как хромой почтальон-паучок, без тебя я скитался, не жил». И посвящение: моей загадочной Лилит. Был там и беспомощный рисунок — кривой овал лица, носик и все такое, но изобразический шедевр нашего героя мы здесь приводить не будем.

Оставаясь один, он подсаживался к аквариуму — и смотрел. Карп, нервничая, начинал выписывать в воде вавилоны, а Павел смотрел... и сравнивал. С этой целью им было приобретено зеркальце. Улучив минуту, когда Карп, брезгливо жуя губами, подплывал к передней стенке, он ловил свое и его отражения и лихорадочно соображал. Губы не мои — у меня нервные, тонкие, а этот вон какой губошлеп. И кожа светлее. Глаза у меня карие, глубоко посаженные, а этот пучеглазый. Ничего общего. Стоп! А пятнышко на правом боку? Черт бы его побрал, это пятнышко. Павел задирал рубашку, сличал. Сомнений быть не могло: как и у Карпа, справа внизу у него чернела родинка.

Павел вскакивал в холодном поту. Его или не его? Что Гамлет! Там все понятно: вот отцеубийца, обнажил шпагу — и секим-башка! А тут? Изменяла ли? И если да, то с кем? Кому голову рубить? Ничего не ясно. То есть не совсем ясно, изменила ли, но очевидно, что изменяла. Вспомнить хотя бы Лилин первый аборт за месяц до свадьбы. От кого она тогда забеременела? От него или от кобеля Игоря, который у нее тогда остался? Понимая, что вероятность фифти-фифти, Лиля сама скорехонько замяла дело. И со вторым абортom год спустя тоже вышла история. Павла призвали на два месяца в военные лагеря. Москва была рукой подать, и оттого домой тянуло отчаянно. Увольнения не давали, оставался телефон-автомат. Он названивал перед вечерней поверкой и всякий раз нарывался на «а нету ее» в исполнении то одной, то другой соседки. Ночью Павел ворочался, проигрывая в воображении картины разнузданной вакханалии, все это в цвете, и самые выигрышные места — сверху рапидом. Круг партнеров расширялся: там были друзья-художники, и бородач сосед по лестничной клетке, и даже старый школьный учитель, а то и вовсе незнакомцы, чьи лица однажды на улице мелькнули в толпе. Но героиня всегда была одна — Лиля, Лилит, его черноволосая магдалина.

Когда он вернулся со сборов, золотушный от пыли и злой на весь белый свет, жена огорошила его известием — дескать,

у нее срок восемь недель. Вероятно, у него сделались такие глаза, что Лиля тотчас все поняла. Больше разговоров на эту тему не было, а в пятницу, придя с работы, он застал ее в постели зареванную, без кровинки в лице. Она еще долго сторонилась его как прокаженного, даже о разводе заговорила. Он занимался самообразованием и, проклиная свою мнительность, ходил за Лилей как за малым ребенком. Потом они уехали в Крым, пробезумствовали три недели безвылазно в ветхом сарайчике, где пахло водорослями и креозотом, и все забылось.

Ну ладно, тогда он, положим, свалил дурака, но сейчас, сейчас-то случай был, что называется, летний. Ведь тут одно к одному, вероятность ошибки исключена. Он уже сто раз просчитывал на бумаге, припоминал все подробности их разговоров... сомнений быть не может! Тогда почему он не уходит от Лили? Павел притормозил возле аквариума. Карп, стоя на хвосте, жадно хватал воздух. Жабры у него раздувались, как кузнечные мехи. Павел вздрогнул от неожиданной мысли и еще быстрее зашагал от дивана к окну. Так все-таки почему он от нее не уходит? Потому что оставался один, пускай призрачный шанс. Что если он ошибся? Или не он — врачи ошиблись? Или не врачи — она где-то наврала? Один шанс из ста. Смехотворно мало и пугающе много. И вот он опять подсаживается с крохотным глядельцем к аквариуму и смотрит, смотрит... И снова говорит себе: я должен взять себя в руки, я должен похерить давешние расчеты, я должен начать все с начала. Итак...

Когда Карпу минул год, Лиля решила устроить маленькое семейное торжество. Поскольку масловских своих дружков-приятелей она за это время растеряла, Павел позвал сослуживцев. Пришел Юра с женой, пришел мрачный Бурштейн; с опозданием на час, но зато с роскошными гвоздиками ввалился в дом Вадим-Красавчик. Все «пожимали лапу» имениннику и садились за стол. Карпу задали праздничный корм, и сейчас он лежал на дне, лениво ковыряя песок своим розовым плавиком. За этот год он сильно раздобрел, в движениях его появилась вальяжность и даже некоторая степенность. Павел величал его не иначе как действительным статским советником и, приближаясь с кульком, кланялся в пояс со словами: «Не изволите откусать, ваше превосходительство?» Карп снисходительно ел, игнорируя эти выпады, — Павла он не любил и не считал нужным скрывать свои чувства.

За ужином Павел был рассеян, много пил и слушал вполуха. У них, кипятился Влад, в колледже средней руки... А ты сделай поправку, возражал кто-то... возьмите официальный курс... зато бесплатное медицинское... Уже несколько раз Лиля толкала мужа под столом, чтобы он не наливал себе одну за другой. Павел ловил расплзающиеся мысли. И чего языком мелют! Больше платят, меньше... фу, крепкая, зараза... вон кто-то огребает тыщи, а ночью... кто это меня по ноге?... на луну воет.

Владик с Бурштейном сцепились. Бурштейн сидел весь вечер пасмурный и только сметал Лилины салаты. Видно, Красавчик зацепил его, толстобрюхого, потому что он выкатил свои черные иудейские глазища и возбужденно говорил, размахивая вилкой с насаженной на нее картофелиной.

— Достал ты всех своим «платят, не платят», — кипел Бурштейн. — Просто никому ничего не надо. Инициатива, размах! Руками махать — это мы пожалуйста! — Неистовствующий, с всклокоченной бородой и ворованным общепитовским трезубцем в руке, он был похож на Самсона, своей ужасной челюстью повергающего в священный трепет полчища филистимлян. Ольга с Юрой благоразумно отодвинулись на почтительное расстояние. — Нет, — гремел Бурштейн, — у нас, как известно, размах на рубль, удар на копейку. Гора рождает мышь!

— Тише ты, — возмутилась Лилия. — Гляди, Карпа напугал.

Все повернулись к дальнему углу. И правда, Карп заметался по аквариуму, с налету врезаясь в толстые стенки. Лилия пошла его успокаивать. С минуту все молчали, потом Красавчик поднял на Бурштейна васильковые глаза и спросил:

— Отчего же ты не уедешь? С твоей головой ты бы уже возглавлял проектный институт.

Бурштейн, опаматовшись после ударного монолога, лениво гонял соленый огурчик по тарелке.

— Отчего не уеду, спрашиваешь? Из-за шила.

— Какого шила? — не понял Юра.

— Которое в заду.

— Не валяй дурака, Бурштейн, — вмешался Красавчик. — Я ведь серьезно.

— Я тоже. Могу рассказать по этому поводу поучительную историю. Произошла она с отцовским приятелем, которого мы назовем С. Е. Лет пять назад решил он отбыть на

«историчку». Уволился без шума, подал документы в ОВИР и давай ждать истечения срока секретности. А чтобы не сидеть сложа руки, устроился временно на завод простым инженером. Через два месяца он уже старший технолог, через четыре — начальник цеха. Вызывает директор нашего С. Е. и говорит: «Иди-ка ты от нас подобра-поздорову и не мути мне воду высокими цифрами». И пошел тот в НИИ вроде нашего. Здесь он тоже развернулся. Вызывают: «Возглавьте перспективный отдел, работа сугубо секретная, так что оформляйте допуск». Бурштейн расхохотался.

— А дальше? — спросил Красавчик.

— Дальше наш С. Е. прибегает к моему отцу с глазами на затылке. «Два года, — плачет, — жду. Что ж, все насмарку?» Не помню уже, что присоветовал ему отец, только он и поныне сидит на чемоданах. И не потому, что ему чинят препятствия, а просто — шило в зад.

— Ладно, ребята, — вмешалась Ольга, — пора и честь знать.

Стали подниматься. Павел очнулся и тупо пялился на гостей, потом вдруг тоже потянулся за шубой, споткнулся. Упал.

— Нализлся, — брезгливо поморщилась Лиля.

Павел хотел ответить чем-то остроумно-обидным, но язык не слушался его. Когда выкатились на улицу, выяснилось, что он без шапки.

— Ты что, псих? — сказал Бурштейн.

Он отмахнулся, и они впятером пошли ловить такси. Домой Павел возвращался несколько протрезвевшим, хотя в ушах по-прежнему шумело. Он долго тыкал ключом в замочную скважину, а входная дверь оказалась не заперта — кто-то, уходя, сдвинул «собачку». В комнате никого не было — Лиля мыла на кухне посуду. Павел, как был в шубе, подошел к стеклянному кубу, светившемуся под четырьмя лампами голубоватым свечением. Карп спал, зарывшись в песок. Павел постучал ногтем по стенке, но тот даже не пошевелился. Тогда он вернулся к двери и запер ее изнутри.

Он опустил на колени перед диваном, нашарил рукою таз для хозяйственных нужд. Он поставил таз на пол под отводной трубкой, расположенной в миллиметрах от днища, и вытащил клямку, служившую водозапором. Полилась ровная струйка. Карп мгновенно проснулся. Спросонья он ничего не понял, но, увидев своего недоброжелателя, почуял неладное и заметался. Шло время. Павел сидел на полу и взглядом, лишенным всякого выражения, смотрел, как падает

уровень воды. Еще три-четыре минуты, и аквариум будет пуст. В голове засел дурацкий вопрос Бурштейна: «Ты что, псих?»

— Ты что, псих? — повторял он вслух, неизвестно к кому обращаясь.

Карп вконец обезумел. Ему уже все стало ясно, и он трепыхался своим серебристым тельцем, то и дело всплывая, чтобы глотнуть воздуха. Павел что-то невнятно бубнил — воды в аквариуме оставалось на три пальца. Тут дверь подергали. «Павел, ты что там делаешь? — слышался Лилин голос. — Ты зачем заперся?» Он не ответил — не хотел? не слышал? Лиля приникла ухом к замочной скважине, и отчетливо услышала звук льющейся воды. «Паша! Павел! — закричала она. — Не смей! Ты с ума сошел!» За стеной слышалась возня, это проснулась соседка. Хлопнула дверь — одна, вторая, зашаркали где-то рядом.

Из отводной трубки выливались последние капли. Карп лежал на боку, неестественно широко разевая рот и гулко шлепая хвостом по стеклу. Дверь сотрясалась от напора. Доносились крики старушек и странный скулеж. Просили его или угрожали, понять было невозможно, да он и не вникал. На дне куба лежал блестящий комок и глядел на Павла остекленевшими зрачками. Павел, до сих пор сидевший как изваяние, начал медленно раскачиваться. Взад-вперед, взад-вперед. Гипнотический транс. Вдруг все звуки разом смолкли, и в наступившей тишине где-то далеко-далеко, на другом конце Москвы, зазвонила Лыковская Троица. «Чудесный звон!» — пронеслось в голове. Он улыбнулся. И тут его осенило: вот же, такие же круглые навывкате, с черным зенком и золотистой радужницей, огромные библейские...

*Из бесед шестого патриарха школы Чань с
учениками*

О ЧИСТОТЕ ПОМЫСЛОВ

По окрестным дорогам бродили когда-то
Тао-и и Ма-цзу, два монаха, два брата.

Шли, себя не щадя, а уставши с дороги,
обивали смиренно чужие пороги.

И однажды, покинув пределы Кантона,
услыхали монахи рыдания и стоны.

Это дама, ступню подвернув ненароком,
обмерла, остановлена горным потоком.

Тао-и перенес ее. Кончились ахи,
и маршрут свой продолжили братья-монахи.

Десять ли они шли в совершенном молчанье
мимо рощ и полей, где трудились крестьяне.

И промолвил Ма-цзу: «Ты же связан обетом —
сторониться всех женщин. Забыл ты об этом?»

Тао-и улыбается, глядя на братца:
«Я-то что, я всего лишь помог перебраться.

Неужели в беде человека я брошу?
Ты же, брат, до сих пор все несешь эту ношу».

И опять замолчали, влекомы куда-то,
Тао-и и Ма-цзу, два монаха, два брата.

ДЕБЮТ ЧЕТЫРЕХ КОНЕЙ

Если бы жизнь можно было описать с помощью алгебраического тождества, где любовь и ненависть, страсть и рассудок, простодушие и коварство абсолютно уравнивают друг друга, то история, которую я хочу рассказать, пришлась бы как нельзя более кстати, а так она рискует угодить в разряд курьезов, хотя, надеюсь, не станет от этого хуже, может быть, даже лучше, ибо чем, как не курьезами, приправляется протертый супчик буден. Конечно, есть среди наших читателей и вегетарианцы, предпочитающие постные стихи и бессоловые романы, но таких я заранее прошу не мучиться и отсылаю их к литературным последователям Брэга.

Прошлой осенью я провел десять дней в Абхазии, в курортном местечке, в доме знакомой гречанки, где кроме меня жили еще два москвича, молодая пара с малышом из Ленинграда, литовка с внучкой и большая шумная семья, кажется, из Донецка. Я чувствовал себя участником хеппенинга, который происходил в тесном дворике, на пятачке между колодцем, кухней-временкой и курятником. Здесь под навесом, увитым виноградной лозой, стоял длинный стол — главная деталь реквизита и вместе с тем смысловой центр импровизированного спектакля, что разыгрывался изо дня в день, с вариациями, без пауз и остановок, с коротким антрактом на три-четыре часа — те самые, когда кошки серы. Первым, еще до зари, подавал голос малыш за тонкой фанерной перегородкой, которая лишний раз доказывала условность барьера, искусственно воздвигаемого между москвичами и ленинградцами. Под самым окном комнатухи в полуподвале, где вместе со мной добровольно погребли себя еще двое любителей морских купаний, нервно взвизгивал приبلудный пес, во сне особенно остро переживавший свое пролетарское происхождение. Хлопала дверь пристройки напротив — шахтерская династия начинала паломничество к святым местам. А вот полыхнул свет в кухне — это Гришина жена, для которой все звуки мира раз и навсегда потонули в реве гигантских птеродактилей, облюбовавших адлерский аэропорт, поставила на плиту кофейник. Чуть позже поднимется Гриша и запустит железный насос — это акт милосердия (не для жены, для нас): возможно, сегодня мы не услышим, как их дети, девочка и мальчик, малолетние террористы с фантазией, совершат очередной вылет, чтобы отбомбиться над мирным

детсадом. Неожданное оживление в курятнике может означать только одно: во двор вышел куриный бог, чье превосходство нехотя признает сам петух, — еще бы, в руках у человека ведро с отборным пшеном вперемешку с чем-то таким, чему и названия-то нет, а если есть, то мудреное, латинское, ибо человек заведует аптекой, и зовут его Федор, и женат он на Гришиной младшей сестре, которая, это знает каждый цыпленок, ждет ребенка, иначе бы зачем день-деньской жужжать швейной машинке — приданое шьет Софья, тут и думать нечего. Но если Софа встанет еще нескоро, то другая сестра, Ольга, — она-то и пригласила меня погостить, — та, слышу сквозь дрему, уже всю хозяйничает на кухне. Тем временем накормленный малыш симпатичных ленинградцев затевает возню с недовольным псом, мучительно соображающим по утрам, где он накануне зарыл свою сахарную косточку. Шахтерская династия дружно приступает к обряду омовения. Из подсобки что-то пищит политовски куколка шести лет. Автомобильные гудки — это вернулись со свадьбы Ольгины родители, чье появление благословляет с верхней террасы чутко спящая бабушка.

Так или примерно так разыгрывается пролог к главному, дневному действию. Оно обычно происходило на нескольких открытых площадках, но преимущественно во дворе, а точнее за длинным столом под навесом, в сопровождении кудахтанья несушек, жужжания упомянутой швейной машинки и ненавязчивого бормотания двух телевизоров, цветного и черно-белого, стоявших перед кухней, один на другом, и умолкавших далеко за полночь. Но если пролог к спектаклю я воспринимал как бы вчуже, то дальнейшие перипетии происходили уже при моем непосредственном участии. Я сразу стал едва ли не центральным, хотя и бездейственным персонажем — уже потому, что был гостем и, следовательно, идеальным пищеприемником в глазах трех женщин. Вскоре, однако, мое амплу несколько расширилось. Подозреваю, что под удар, вольно или невольно, меня подставил Гриша, напевший бабушке, что я печатаюсь в московских журналах (единственная серьезная публикация, которой я могу пока похвастаться, это объявление в рекламном листке: «Напечатаю рассказ в толстом журнале. “Крестьянку” и “Работницу” не предлагать») и что через меня они могут войти в Историю. Видимо, культ печатного слова так развит среди абхазских греков, что я даже не слишком удивился, когда на третий день двор заполнился ходоками. Приходили соседи, чтобы с моей помощью написать письмо министру с

предложением построить наконец грязелечебницу рядом с их домом, на месте непросыхающей лужи, целительными свойствами которой испокон веку пользуются местные жители; под покровом ночи ко мне пробрался суетливый человек с головой, стянутой эластичным бинтом, и театральным шепотом стал умолять, чтобы я сообщил в органы о преступной деятельности здешней мафии, тайно, у подножия горы, за глухим забором со знаком М испытывающей взрывные устройства такой силы, что у него треснул череп; спустился с гор чабан, чтобы возбудить дело против отары, отказавшейся сдавать «левую» шерсть. Я сидел за обеденным столом, под навесом, прогнувшимся от отяжелевших виноградных кистей, среди дымящейся мамалыги, и лаваша, и жареных цыплят, среди бутылок и бутылей, и не разгибаясь писал ходатайства, жалобы, проекты. Никогда еще, без преувеличения, я не пробовал себя в таких разных жанрах одновременно.

Бабушка принимала живое участие в моей работе. Это выражалось в том, что о каждом ходатае, в его присутствии, она рассказывала всю подноготную, начиная от мелкого разбоя в голопузом детстве и кончая похождениями в джинсовом настоящем, рассказывала с таким знанием дела, что оставалось только гадать, на каких ролях она сама выступала в этих, скажем так, камерных сценах. С пугающей обстоятельностью она разворачивала очередной компрометантный свиток, и горе тому, кто пытался в него внести поправки или уточнения. Почему-то зацепился в памяти ее рассказ о некоем дальнем родственнике, который на свадьбе дочери, складывая в холщовый мешок денежные приношения, выписывал на листке точную сумму и фамилию дарителя, дабы впоследствии не дать себя застать врасплох органам ОБХСС.

И вот однажды, когда я, помнится, как раз закончил составлять для нервного молодого человека заявление в милицию с просьбой выдать ему новый паспорт или, по крайней мере, сделать вкладыш в старом, ибо молодой человек мечтал вступить в брак, а отметку об этом важном событии негде было ставить, разве что в графе «Воинская повинность», поскольку в предыдущей, «Семейное положение», татуированной различными ЗАГСами страны, живого места не было, — в тот тихий воскресный день, именно воскресный, потому как по воскресеньям сходились в кулачном поединке два клана, две ветви фамильного древа Онуфриади, которые в будни не соприкасались по причине

непримиримой и загадочной для меня вражды, а может быть, по причине двухметрового забора, что разделял два соседних участка, каменного забора, выкрашенного в желтые цвета ненависти, и вот в одно такое тихое воскресенье, когда утренние бои отшумели и куриный бог, он же заведующий аптекой, оказывал кое-кому первую, а то сразу и вторую медицинскую помощь, в паузе, когда, истомленная полдненным зноем, смолкала птаха в пыльных ветвях хурмы и самый воздух дышал любовью и всепрощением, бабушка попросила меня принести ей книжку из спальни. Я поднялся на верхнюю террасу, прошел в гостиную с настоящей лепниной, через комнату сестер, где на колонках системы «Окай» был развешен весь комплект трусиков «неделька», по коридорчику сквозь строй банок с греческими оливками — эдакое эллинистическое вкрапление, оживлявшее интерьер, — и наконец оказался в спальне бабушки. Здесь царили чистота и казарменный порядок. Я без труда разыскал на полке нужную книгу и уже собирался уходить, когда взгляд мой упал на тумбочку в нише. Там были расставлены шахматные фигуры. Я подошел поближе, чтобы оценить позицию. Следующим ходом белые получали мат. А если... я двинул белую пешку на h4... Все равно мат, только двумя ходами позже. Я восстановил прежнюю позицию и вышел из спальни.

Бабушка поила чаем нервного жениха, но стоило мне протянуть ей истрепанный, без обложки томик, как она сразу забыла о своем госте. Она бережно приняла до дыр зачитанную книгу, раскрыла ее наугад и стала читать про себя, явно волнуясь и от волнения пролистывая по несколько страниц. Молчание наливалось тяжестью, даже шпилька в швейной машинке завертелась рывками. Жених предпринял скрытый маневр в направлении дальнего конца стола, забыв о злополучном паспорте. Внезапно бабушка оторвалась от книги и, устремив на жениха гиперболоидные свои зрачки в запавших глазницах, не то от себя, не то цитируя по памяти, произнесла:

— В любви-страсти совершенное счастье заключается не столько в близости, сколько в последнем шаге к ней.

Жених одеревенел. Умолкла швейная машинка. Даже в курятнике, как мне показалось, произошло некоторое замешательство. А бабушка тяжело вздохнула и снова отдалась чтению. Софа с точно таким же вздохом, в котором сквозило молчаливое одобрение бабушкиных потаенных мыслей, завертела ручку зингеровской машинки. Через

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru